

УДК 33:94
ББК 65.03(0)

Теория «первоначального накопления»: назревшие коррективы

В.А. Козлов¹, Н.П. Коробкова²

¹ Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Theory of «Primitive Accumulation»: Urgent Adjustments

V.A. Kozlov¹, N.P. Korobkova²

¹ Altai State Agricultural University (Barnaul, Russia)

² Altai State University (Barnaul, Russia)

Анализируется важнейшая историко-научная категория – «первоначальное накопление капитала». Трансформация отечественного обществоведения практически не затронула данный постулат, который продолжает тиражироваться в современной научно-образовательной литературе в неизменной традиции, созданной 24-й главой «Капитала». Такая интерпретация первоначального накопления, оказавшись на целое столетие вне зоны критики, изначально не была бесспорной даже для ее создателей. В последней трети прошлого столетия статистические изыскания отдельных европейских ученых показали несоответствие ряда базовых положений марксистской классики установленным фактам. Однако, вскрыв уязвимость господствующей версии первоначального накопления, представители данной критической волны не создали ей столь же целостной альтернативы.

Перспективы масштабной ревизии теории первоначального накопления связаны прежде всего с углубленным изучением генезиса и практики североитальянского капиталистического анклава в средневековой Европе. Финансовый всплеск на его закате кардинально ускорил коммерциализацию всей Западной Европы, включая и «страну классического капитализма». В то же время самого пристального внимания заслуживают региональные рецидивы данного явления в XX в., которые правильней будет обозначить как «квазипервоначальные накопления». Методологической основой модернизированной теории первоначального накопления предлагается использовать выросшие из осмысления творчества Ф. Броделя ключевые положения современной школы миросистемного анализа.

Ключевые слова: первоначальное накопление, капитализм, либерализм, марксизм, приватизация, индустриализация, миросистемный анализ, баланс сил, «большая четверка», торговая экспансия, финансовая экспансия.

The article analyzes the main historical category – the «primitive accumulation of capital». The profound deformation of the Social Studies' domestic model that occurred in recent decades has not practically effected this postulate, which has been replicated in new academic and educational literature in the same tradition way, worked out in famous Chapter 24 of *Das Capital*.

Such interpretation of the primitive accumulation, which had not been a subject of criticism for a century, was not originally undeniable to its creators. In the last third of the last century statistical surveys of individual European scholars showed the discrepancy of several provisions of Marxist classic ideas to the established facts. However, despite the discovery of the fact of the vulnerability of the dominant version of primitive accumulation, the critical wave representatives did not create its coherent alternative.

According to the authors' opinion, the perspectives of large-scale urgent revision of the theory of primitive accumulation are primarily associated with the in-depth study of the history of the North Italian capitalist enclave in medieval Europe. Financial boost during its decline dramatically accelerated the commercialization of Western Europe, including the «land of classical capitalism». At the same time regional recurrences of this phenomenon in the XX century (that is best described as «quasi-primitive accumulation») deserve special attention. The authors propose to use the conceptual issues of the modern world-system analysis that arise from Fernand Braudel' works interpretation as a methodological basis.

Key words: primitive accumulation, capitalism, liberalism, Marxism, privatization, industrialization, world-systems analysis, balance of powers, «The Big Four» commercial expansion, financial expansion.

Текущая адаптация отечественного обществоведения к радикально трансформировавшемуся политико-экономическому пространству закономерно вытеснила некогда «единственно верное учение» на обочину российского научно-образовательного мейнстрима. На данный момент последний теоретически представляет собой противоречивую смесь с преобладанием импортированных подходов либерального толка. Вместе с тем многие марксистские конструкции продолжили свое бытие и в современных исследованиях. Это объясняется, во-первых, тем, что в наследии марксизма есть немало общего с либерализмом, хотя бы потому, что оба они являются порождением индустриальной цивилизации. Во-вторых, некоторые весьма сомнительные марксистские постулаты продолжают тиражироваться в силу того, что их экспертиза неминуемо потребует новых, еще более масштабных концептуальных ревизий (от чего многие уже изрядно подустали). И, в-третьих, видимо, потому, что отдельные, несколько одиозные для современной науки положения марксистских классиков остались вполне комфортными для нынешней российской экономической и политической элиты.

И то, и другое, и третье характерно для концепции «первоначального накопления» в нынешней научной и образовательной литературе, почти копирующей картину рождения капитализма с советских учебников, отталкивавшихся, в свою очередь, от знаменитой 24-й главы первого тома «Капитала» К. Маркса [1]. Эта глава («О так называемом первоначальном накоплении капитала») начинается с целенаправленного противопоставления авторской версии «предшествовавшему накоплению» А. Смита. Противопоставление это не совсем корректно, поскольку Смит своим введенным в научный оборот *previous accumulation* не выдвигал никакой теории. Он просто фиксировал очевидное и бесспорное: «условием повышения производительности труда является предшествовавшее накопление капитала», которое, в принципе, может осуществляться самыми разными способами, в том числе и подразумевающимся переходящим из поколения в поколение скопидомством.

Создателю же «пролетарской идеологии» непременно нужно было показать, как «новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор», что экспроприация мелких собственников является первейшим условием его рождения. Поэтому первоначальное накопление у Маркса выступает как квинтэссенция целой эпохи предкапиталистического разгула произвола и насилия: изгнания крестьян с земли, пиратства и работорговли, ограбления туземцев и т.п. Наряду с этим классики писали и о такой стороне процесса как личном освобождении крестьян, но она в их изображении сильно проигрывает в сравнении с яр-

чайшим описанием прямого грабежа «униженных и оскорбленных», соотечественников и иностранцев.

«Методы первоначального накопления» стараниями основоположников марксизма приняли исключительно негативную окраску, определяя основное содержание исторически неизбежного кровавого и мучительнейшего этапа, предшествовавшего утверждению нового способа производства. Такая трактовка, как ни парадоксально, составила значительную часть теоретической базы идеологов большевистской «сверхиндустриализации», организаторов «социалистического первоначального накопления» в СССР. Она же фактически использовалась как индульгенция «отцами-приватизаторами» и в постсоветской России. Ничего, дескать, не попишешь – «первоначальное накопление», без него никак, классики писали. При этом изрядно поредевшие ряды представителей апологетов российской «шоковой» приватизации как бы забывают, что при всей неоднозначности первоначального накопления на Альбионе оно подготовило там грандиозный аграрный и промышленный прорыв, в отличие от той катастрофы, что случилась с еще недавно второй экономикой мира после приватизации 1990-х гг.

Напрашивается мысль, что любой широкомасштабный передел собственности, от которого нет гарантий и в будущем, имеет в той или иной степени черты первоначального накопления. Вместе с тем продолжающийся уже несколько десятилетий стремительный подъем рыночной экономики в Китае имеет мало общего с выведенными классиками алгоритмами первоначального накопления. Так что научная экспертиза данного понятия, связанная с изучением истоков капитализма, его закономерностей, кризисов и циклов, «разрывов непрерывности» (по выражению А. Пиренна) в особенности, представляет не только академический интерес.

Проблематика первоначального накопления капитала привлекла внимание авторов с самого начала их работы над циклом книг по истории мировой экономики. Практически сразу мы столкнулись с вопросами, на которые марксистская трактовка первоначального накопления не давала внятных ответов. Приведем для примера лишь несколько из них. Почему доставшиеся испанцам феерические сокровища Америки не превратили ее в первую капиталистическую державу, а скоро и вовсе вывели ее в европейское захолустье? Почему совсем не видно «ужасов первоначального накопления» в капитализации Скандинавии, Швейцарии? Почему форсированное «уничтожение крестьянства как класса» состоялось только в Англии (если не считать массовых коллективизаций XX столетия)? Как расценивать тот бесспорный факт, что необходимые капиталистическому производству «массы неимущих людей, юридически свободных, но лишенных средств производства» появились в городах аграрно перенаселенной

Европы еще в Средневековье, задолго до наступления «эпохи первоначального накопления»?

Справедливость требует отметить, что Маркс, объявляя в 24-й главе экспроприацию земли у крестьян основой всего процесса первоначального накопления, в 25-й фактически сам усомнился в этом, рассматривая позитивные последствия бесплатного наделения землей фермеров в США и сопоставляя это с результатами противоположного курса английской администрации в Австралии [1, с. 779–783]. Тем не менее марксистская теория первоначального накопления стала общепринятой и целое столетие практически не оспаривалась никем, в том числе и либералами. Лишь на рубеже 1960–1970-х гг. она была атакована со стороны историков и экономистов, изучавших процесс западноевропейской индустриализации XVI–XIX вв.

Ж. Бержье доказывал, в частности, что наличие денежного капитала играло не главную, а второстепенную роль в индустриализации, и в большинстве случаев в роли промышленных капиталистов выступали представители средних слоев. Они, как правило, начинали с маленького завода, расширяли производство на условиях самофинансирования, не имея доступа к большим банковским деньгам [2, с. 412–413]. Фактически о том же писал К. Хилл, указавший на отсутствие свидетельств существенного инвестирования в английскую промышленность средств, полученных от «грабежа Индии». Он же подсчитал, что средняя зарплата на самом деле не снизилась, а росла в течение XVIII в., и процесс пауперизации в Англии интенсивно шел как раз в предшествовавшие промышленному перевороту столетия [3, с. 80, 200].

Не проводя подробной экспертизы этой волны сомнений, отметим, что критики, доказывая несоответствие реально проходивших процессов ключевым положениям марксистской теории первоначального накопления, не выстроили ей целостной альтернативы. И, наверное, не могли ее выстроить в принципе, поскольку оперировали в том же локусе и теми же категориями, которые навязал Маркс, отдельно рассматривавший первоначальное накопление в Испании, Португалии, Голландии, Франции и объявивший Англию классической страной первоначального накопления, жестко связав его с индустриализацией. (Не слишком большой натяжкой будет сказать, что теоретик, отрицавший возможность социализма в одной стране, не был столь же последователен при описании истории капитализма). Он проигнорировал, по сути, им же упомянутые «первые зачатки капиталистического производства в отдельных городах Средиземного моря уже в 14 и 15 столетиях», безапелляционно отнеся начало капиталистической эры к XVI в. [1, с. 728].

Перспективы действительно альтернативного подхода к ранней истории капитализма связаны, на наш взгляд, с углубленным осмыслением творчества

Ф. Броделя. При всем своем восхищении стихийно-последовательным ходом английской промышленной революции Бродель все-таки исходил из того, что не следует отождествлять капитализм с его индустриальной формой. По мысли мэтра, суть и сила капитализма заключаются как раз в его эклектичности, способности к быстрой смене форм, умении найти такой вариант использования капитала, который окажется наиболее прибыльным на текущий момент. Подчеркивая «это важнейшее для общей истории капитализма качество: его испытанную гибкость, его способность к трансформации и адаптации», он полагал, что как раз здесь «существует определенное единство капитализма от Италии 13 века до сегодняшнего Запада» [4, с. 377, 432].

Именно творчество Броделя непосредственно вдохновило патриархов миросистемного анализа обратиться к ранним страницам истории капиталистической системы в поисках ответов на злободневные вопросы современности. И. Валлерстайн начал отсчет этой системы все же с XVI в., когда Западная Европа, используя ресурсы Нового Света, сумела возглавить процесс формирования всемирного рынка и, естественно, получить с него наибольшие дивиденды, в том числе и за счет откровенного колониального грабежа. И в этом его взгляд на истоки первоначального накопления близок к Марксу. Однако Валлерстайн существенно расходится с Марксом в оценке возникшей после Тридцатилетней войны в Европе системы меркантилизма (протекционизма). По его мнению и вопреки выводам Маркса данная система была направлена не столько на обслуживание интересов рождавшегося крупного капитала, сколько на развитие национальной промышленности и сельского хозяйства в целом, повышение занятости населения, тем самым способствуя быстрой индустриализации Англии и ряда других европейских стран [5, с. 233–234]. Очевидно, что Валлерстайн, публично декларируя свою приверженность мировидению Броделя, не избавился от не свойственного французу «индустриалистского» центризма в понимании природы и истории капитализма.

А вот бывший соратник Валлерстайна по созданному ими научно-исследовательскому центру им. Ф. Броделя, потомок многих поколений миланских коммерсантов и швейцарских банкиров Д. Арриги в поисках истоков современного капитализма зашел существенно дальше. в своем «Долгом двадцатом веке» [6] Арриги, как ранее и Бродель, и Валлерстайн, не исследует «первоначальное накопление» как особую категорию, практически не использует и сам термин. Однако проведенный им исторический анализ выводит на нетрадиционную трактовку этого феномена. в названной книге он обратил особое внимание на то, как в Северной Италии еще в Средневековье возникает и развивается региональный прообраз гло-

бальной капиталистической системы. При этом важной опорой исследователя стали теоретические построения М. Вебера. Вебер же определил главным условием выживания капитализма соперничество между собой национальных государств за привлечение мобильного капитала. «Эта конкуренция и создала в высшей степени благоприятные условия для развития современного капитализма. Каждое государство стремилось привлечь свободно обращающийся капитал, и этот последний диктовал условия, на которых он соглашался служить» [7, с. 305].

При переносе этих построений на итальянскую почву получается, что важнейшим условием и гарантом пролонгации первоначального накопления выступает совпавший здесь многосторонний баланс различных сил. Силовое равновесие в североитальянском анклавом между папами и императорами позволяло здешним городам-республикам балансировать между потенциальными расхитителями их богатств и «гнобителями» их свободы. Примерное равенство сил внутри самой большой «четверки» (Генуя, Венеция, Милан, Флоренция) создавало непреодолимое препятствие к силовому объединению ее под властью одного центра и, соответственно, качественному ослаблению вышеупомянутой конкуренции. Определенный баланс между крупными династическими государствами по другую сторону Альп также долгое время способствовал выживанию сложившегося здесь капиталистического анклава.

Хозяйственное процветание этого анклава имело немало источников, среди которых взимание и аккумуляция земельной ренты играли существенную роль лишь в самом начале его генезиса, занимая в дальнейшем весьма скромное место. Фундаментом «первоначального накопления» здесь стали сохранившиеся античные традиции римского права, частной собственности, городской жизни, средиземноморской торговли, отлаженные связи с Византией в частности. Не скованная традиционными феодальными оковами «торговля на дальние расстояния» (по классификации Ф. Броделя) вознаграждала риски исключительно высокими прибылями, прежде всего при перепродаже эксклюзивных восточных товаров.

Венеция и Генуя обеспечили себе ключевую роль в трансконтинентальной цепи обменов, прежде всего на левантийском направлении, включив в нее богатейшую Флоренцию, поставлявшую на Восток свое превосходное сукно (и в меньшей степени Милан, не испытывавший особой нужды в заказчиках для своих оружейников и в самой Европе). Итальянская торговая экспансия на Восток закономерно достигла своего пика на этапе существования могучей империи Чингисхана и его ближайших преемников, вполне осознававших всю выгоду от хорошо отлаженной торговли по Великому шелковому пути. (Думается, историки еще не до конца оценили роль монгольской державы в становлении европейской капитализма).

Также закономерно, что вместе с разладом у монгольских властителей объемы левантийской торговли в XIV в. начинают существенно сокращаться. Разумеется, к тому были и другие предпосылки. В любом случае следствием стало обострение коммерческой конкуренции на Апеннингах и, в конечном счете, «итальянская столетняя война» (формулировка Броделя) «всех против всех». Издержки этой войны оказались слишком велики для ее участников, а перспективы объединения под властью одного победоносного центра слишком призрачными. Поэтому заключенный в 1454 г. мир в Лоди институционализировал сложившийся здесь баланс сил (став опять же прообразом Вестфальской системы международных отношений). В дальнейшем этот относительный мир был разрушен извне вторжением в страну иноземных (императорских и французских) войск, в итоге в XVI в. североитальянский очаг капитализма оказался погашенным. Однако в течение нескольких веков своего существования он являлся важным источником первоначальной капитализации всей Западной Европы, особенно после вышеуказанного снижения товарооборота на левантийском направлении.

Сокращение торговых поступлений повсеместно привело к большему использованию купеческих капиталов для покупки земли, тем самым способствуя коммерциализации сельского хозяйства. Но масштабы такого репрофилирования были не слишком велики, поскольку, считаясь более надежными, доходы от земли все равно оставались ниже торговых прибылей. Значительная часть высвободившихся из торговли средств использовалась на государственное строительство, в котором особо преуспела Венеция, зацементировавшая свой государственно-монополистический капитализм вплоть до наполеоновской эпохи. Неизменной оставалась и ставка венецианцев на левантийскую торговлю, которую им удалось даже расширить за счет побежденной в Кьоджийской войне Генуе и ускорившейся собственной protoиндустриализации.

Кризис текстильного производства во Флоренции быстрее других привел местную олигархию к торговле не товарами, а деньгами, к финансовой экспансии, прежде всего в северо-западном направлении. И если кредитную компанию Барди и Перуцци ожидало фиаско после объявленного в Англии королевского дефолта, то финансовый клан Медичи во Франции позднее добился сказочных успехов. Но несопоставимо более важным, на наш взгляд, представляется то, что денежное изобилие флорентинцев трансформировалось в одно из самых великих феноменов всей истории человечества – Ренессанс, о значении которого для всей европейской и мировой истории (в том числе и для общеевропейского первоначального накопления, если не считать капиталом только деньги) говорить можно бесконечно.

Бесспорно, что и посеянные в ходе финансовой экспансии деньги, попадая на подходящую почву, повсеместно способствовали коммерциализации хозяйственной жизни, формированию и укреплению институциональных начал рыночной экономики, ее капитализации. Итальянские капиталы вместе с их носителями сыграли видную роль в ходе перемещения тяжести торгово-промышленной деятельности на атлантическое побережье, в образовании первых бирж во Фландрии (Брюгге и Антверпен), в частности, сразу же приобретших общеевропейскую значимость. Развитие капитализма «вглубь» внутри Италии трансформировалось в развитие и «вглубь», и «вширь» на несравнимо большем пространстве.

Неоценимая роль в развертывании и глобализации западноевропейской мирэкономике принадлежит деловым кругам Генуи. Оказавшись отстраненными Венецией и турками от самых лакомых торговых маршрутов на Востоке, они устремили взор на Запад, установив поначалу финансовый контроль над «шерстяным бизнесом» на Пиренеях, прежде всего в Кастилии. В дальнейшем это предопределило самое активное участие генуэзцев в хозяйственном освоении Нового Света, на которое в самой Испании ресурсов просто не было. Аккумулируя через окрепшие международные финансовые институты (безансоновские ярмарки в частности) свободные средства из всех уголков не только Италии, но и всей Европы, генуэзские буржуа стали привилегированными банкирами испанских монархов. И с этой стороны огромная колониальная империя в Америке, обозначаемая как испанская, предстает общеевропейским предприятием. (Основательно и всесторонне этот тезис аргументируется в монографии Г. Кеймена [8]). Если открывший Новый Свет Колумб случайно (но символично) оказался родом из Генуи,

то никакой случайности нет в исходящих с капиталистической родины Ренессанса мощных импульсах, сделавших это событие осью формирования мировой капиталистической системы.

Подытоживая, отметим, что понятие «первоначальное накопление» имеет право на существование в качестве научной категории, отражающей качественный скачок в капитализации общества. Непреодолимые сомнения вызывает доминирующая в литературе марксистская интерпретация феномена: его временное ограничение XVI–XVIII вв., провозглашение уникального пути Англии классикой первоначального накопления и капиталистического развития, излишне жесткая привязка его к индустриализации, гипертрофированный упор в изображении «методов первоначального накопления» на беззаконии, насилии, обмане. С одной стороны, исторически реальная практика первоначального накопления этим не исчерпывалась. С другой стороны, некоторые из перечисленных Марксом методов первоначального накопления, такие как система внешних и внутренних государственных займов, к примеру, продолжили существование и в условиях зрелого капитализма, являются атрибутами современной цивилизации.

Существенная корректировка данной категории, по нашему убеждению, требует внимательнейшего исследования генезиса и практики североитальянского капиталистического анклава, где произошло «самое первое» первоначальное накопление, непосредственно давшее толчок капитализации всей Западной Европы. Вместе с тем она предполагает анализ рецидивов XX столетия, которые правильней обозначить как «квазипервоначальные» накопления. Методологическим подспорьем назревшей модернизации понятия, наряду с идеями Ф. Броделя, вполне может стать современная миротехническая теория.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23.
2. Bergier J-F. The Industrial Bourgeoisie and the Rise of the Working Class 1700-1914. Fontana Economic History of Europe, ed. by C. Cipolla. - Vol. III. – Glasgow, 1978.
3. Hill C. Reformation to Industrial Revolution. A Social and Economic History of Britain, 1530–1780. – Bristol, 1967.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. – М., 1988. – Т. 2.
5. Wallerstein I. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy. – N.Y. ; L., 1980.
6. Арриги Д. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. – М., 2006.
7. Вебер М. История хозяйства. Город. – М., 2001.
8. Кеймен Г. Испания: дорога к империи. – М., 2007.